

Спокойно провести остаток вечера нам никто не дал. Фугаку появился внезапно, будто ждал тот момент, когда брат немного успокоится. Мазнул по нашей композиции небрежным взглядом, на мгновение остановившись на надетых на мне ушках, и приказал Итачи собираться на какой-то сбор Клана. Судя по тому, как на секунду напрягся брат, идти туда у него желания не было, а меня вот никто приглашать даже не думал. Попытки воспротивиться произволу... я даже не пыталась, а вот Итачи хотел отмазаться тем, что еще не закончил сортировку вещей, но отец даже не посчитал это стоящим оправданием, делегировав полномочия мне. И плевать ему было, что из всего оставшегося я узнаю только обломки оружия, а вот свитки не могу даже прочесть. Взгляд видел какие-то кракозябры, из-за которых рябило в глазах или вовсе не удавалось сосредоточиться, взгляд будто соскальзывал. От выкидывания такого в хлам меня останавливало лишь то, что Итачи на другие такие же, уже убранные, смотрел чересчур серьезно. Было такое ощущение, что он понимал, что сокрыто под этим непонятным для меня... шифром? Не уверена, что поняла правильно, но это вряд ли интересует Фугаку. В доме его слово закон и даже я признаю его право на это.

Небольшой конфликт тухнет, так и не разгоревшись. Фугаку доволен моей покорностью, а у брата еще не наступил тот возраст, когда все делаешь наперекор. Он явно недоволен, но стоит подергать его за руку и покачать головой скорчив молящую мордочку, как сдувается. Отца же наши переглядки и вовсе не задевают, от его безразличия хочется зябко передернуть плечами. И сколько бы я себя не убеждала, что меня не задевает такое отношение, стоит признаться самой себе, что это откровенная ложь и где-то глубоко внутри хочу, чтобы Фугаку с Микото заметили меня. Перестали сравнивать, видеть на моем месте кого-то другого. Противоречие, которое гложет меня уже давно, ведь как бы я не закрывалась от них, не пыталась отстраниться, мы живем в одном доме, и взаимодействуем друг с другом довольно часто. В таких случаях просто невозможно остаться равнодушной, но решить проблему мне не хватало опыта и терпения, а остальные, вероятно, и не видели ничего странного в происходящем.

Впрочем, все не так уж и кошмарно, взять хотя бы Микото, с ней я относительно близка. Одни ее беседы во время подготовки чего стоят, да и участие в моих тренировках. Я бы назвала наши отношения ученик-наставник или племянка-тетушка в определенных случаях, разве можно требовать большего? Многие ли могут похвастаться чем-то подобным? Не думаю, и особо не горюю. Сама виновата, что выстроила стену отчуждения, но не жалею об этом. Иногда мне кажется, что мои сенсорные способности влияют на меня гораздо сильнее, чем хочется. Не зря же ощутила отчуждение после переселения в новый дом. Именно тогда отец стал «не видеть» меня, даже прикасаясь к нему, я больше не ощущала его обжигающего внимания, направленного на меня, нас будто разделила стена. С Микото это появилось еще раньше, когда она начала исчезать, чтобы покормить Наруто. Я тогда еще облегчение испытала, а вот сейчас понимаю, что это неправильно, и она понимает, но не можем переломить себя. Хотя, тут не только это, просто в споре Итачи-Фугаку или Фугаку-Итачи (все зависит от точки зрения), я молчаливо поддерживаю брата, что в силу возраста мне сходит с рук без последствий, но даже без поблажек я все равно буду становиться на сторону Итачи. Она же пытается соблюсти нейтралитет, но так не бывает. Мне остается надеяться, что шаткое равновесие не пошатнется, но надолго ли?

Клан, деревня, семья. Мне сложно разобраться в происходящем. В прошлом у меня этого не было, я ребенок другой культуры, приходится вникать в различные тонкости, хитросплетения родственных отношений. Все, что удалось выяснить, мой Клан отвечает за внутреннюю безопасность, они Военная Полиция. Мой отец стоит во главе Клана и Полиции, его наследник со временем получит в свои руки эту власть. Последнее и является камнем преткновения, по моему скромному мнению, конечно. Других причин быть недовольными я не вижу, но они точно есть. Жаль, что на мои прямые вопросы я не получаю должного ответа, взрослые просто уводят разговор в другое русло. Правда, слишком часто я тоже спрашивать не пытаюсь, проблемы мне не нужны, а мой интерес и вовсе смотрится не лучшим образом. Еще Фугаку на него донесут, если уже не донесли, разгребай после проблемы.

И почему я сама себе напоминаю страуса? Сколько еще мне зарываться головой в песок, оставляя тылы наружу? У кого искать ответы? Не знаю, но позиция родных мне понятна. Я сама бы не восприняла ребенка дошкольного возраста в серьез. Только мне страшно, боюсь, времени вырасти мне не дадут.

Отчаянно вздыхаю, взглядом проходясь по рассортированным вещам. Выкидывать что-либо из коллекции брата я поостереглась, инструкций же по систематизации хлама мне никто не давал, пришлось соображать самой. В итоге, я разложила кучками все у брата в комнате, за основу взят принцип подобия. При этом специально выбрала тот угол, который бросался в глаза, но не мешался уставшему человеку. В общем, даже если Итачи придет в состоянии нестояния, на обломок куная не наткнется. Мне же нет смысла ждать брата, после таких собраний он приходит в край разбитым и очень поздно. Лезть к нему в таком состоянии все равно, что напрашиваться на очередной тычок в лоб. Да и смысл? Матери нет, а отец не одобрит желания поспать с Итачи. Скоро и обнимашки постарается запретить, не иначе.

К себе в комнату иду с огромной неохотой. Взгляд моментально цепляется за небрежно сваленные на стол свитки. Желания читать историю Конохи и Кланов ее населяющих нет от слова совсем. Еще меньше хочется заниматься географией, поэтому в руки беру свиток с теоретическими выкладками по использованию чакры в рукопашном бою. По сути это объяснения к стилю, которому меня обучают с остальными. Он довольно необычен, сосредоточен на невообразимой гибкости, прыжках, контратаках и взрывного количества ударов. Использовать его сложно, более опытный оппонент в любой момент может подловить на контратаку. Сама философия основывается на превосходстве реакции, на предугадывании действий противников и вот с этим у меня проблем нет. Сироты вообще редко бывают интеллигентами и у многих уличное воспитание. Не скажу, что я сама была полностью такой, но я была проблемным ребенком требующим много внимания, которого на всех не хватало, естественно, у меня были проблемы такого характера, так что драться я умела и грязных

приемчиков не страшилась. Сама любила их применять, пока не перебесилась, хорошо хоть ни разу не была в детской комнате, а то бы плакала моя мечта стать учителем. Правда, все это не меняло основной проблемы, если убрать грязные приемы (кто мне их даст применять на мелких соклановцах?), противопоставить тем, кто занимается дольше меня, мне было нечего. Я проигрывала в скорости реакции, замедляясь из-за того, что приходилось сдерживать порывы вдарить в запрещенные места и просто из-за того, что детское тело не всегда слушало команды так, как хотелось.

Буквы перед глазами начинают плыть, приходится прикладывать невероятные усилия, чтобы оставить глаза открытыми и все равно голова так и норовит упасть. Прочитанная информация, не торопится укладываться в голове, смысл ускользает от утомленного сознания. С неохотой признаюсь сама себе, что так дело не пойдет. В моем состоянии нет смысла читать дальше, следует отдохнуть и уже после, с новыми силами, вернуться к изучению. Возможно, мне как Менделееву таблица, приснится решение волнующей меня проблемы.

Вздых. Хотелось бы, только я в это уже сама не верю.

— Он умер непонятым! — фраза заставляет вынырнуть из странного марева и оглядеться. Комната кажется немного чуждой, но знакомой. Я сама выбирала обои в свою квартирку, старалась сделать ее уютнее, несмотря на нищенскую зарплату и усталость работающего студента. Клеила тоже сама, как и красила полы с потолком. Итогом стал налет небрежности, но все равно лучше, чем было, когда я получила квартиру от государства. — Ты меня слышишь?! Он убил его, а тот его любил! — отрываюсь от разглядывания бежевых стен с плохо совпадающим рисунком обоев, от пола, который за прошедшее время поистерся и требовал обновления. Взгляд теперь прочно прилип к мечущейся по квартирке... подруге? Да, я уверена, что это так, но лица ее не вижу. — Ты, понимаешь, любил! Все ради него отдал!

— Кто? — тяжелый вздох срывается с губ, я тру переносицу в тщетной попытке избавиться от мельтешения перед глазами и сфокусировать картинку.

— Твой брат!

— Итачи?! — меня аж подбрасывает, взгляд резко приобретает четкость, я узнаю человека перед собой. В прошлой жизни мы, действительно, были кем-то вроде подруг. Ну, насколько может дружить приютская девочка с девочкой из приличной семьи. Она была одной из тех, кто был повернут на аниме и пополняла мой холодильник практически на регулярной основе. Ну и давала доступ к компу. Мы даже по окончании обучения немного общались, оставшись хорошими приятельницами, но уже на расстоянии. Точек соприкосновения было слишком мало.

Ответом мне служит какая-то загадочная улыбка и она просто подходит к окну и резко распахивает занавески. На меня будто гора упала. Воздух стал резко заканчиваться в легких. В нос ударил запах гари, крови, пыли и страха. Да, страх тоже имел свой запах, оседал горечью на кончике языка, кислотой разливался в горле. Ужас затягивал сознание, не давал шанса пошевелиться. Перед глазами стоял девятихвостый лис, объятый языками пламени и дыма. По ушам резанул яростный рев зверя. Его взгляд пал на меня.

Алый, с тремя томоэ вместо зрачков. Точно такой, как сегодня был в глазах брата, но рисунок более совершенный, законченный.

Шаринган. Проклятые глаза Клана Учиха.

Судорожный вздох. Я резко распахиваю глаза и рывком поднимаюсь. Меня колотит, пот пропитал майку, струйками скользя вдоль позвоночника. Мне холодно. Страшно. Дико. Взгляд мечется по спальне, ни за что не может зацепиться. Ужас липкими пальцами сдавливает сердце, я загнанно дышу, не в силах даже моргать. Мысли беспорядочно мечутся в черепной коробке, отскакивая от стенок и сталкиваясь друг с другом. Я будто наяву слышу, как перекатываются камешки в пустой банке. Только вот вместо банки — моя голова, а камней — мои мысли.

Взгляд напарывается на оконное стекло, ловя алый отблеск, и я отшатываюсь, путаясь в одеяле. Неуклюжая попытка спастись от падения, заканчивается закономернo, я падаю на спину, больно ударяясь локтями, спиной и затылком. Удар настолько силен (или мне кажется сильным), что на глазах наворачиваются слезы, зато паника уходит. Я вновь могу дышать и осознавать себя. Промокшая одежда вызывает отвращение. Сон не забывается, но я старательно отгоняю мысли о нем.

Тихий вздох. Вновь открыть глаза, ощущая неправильность. Перед глазами все плывет, почти восстановившаяся чакра — на нуле. Прислушиваюсь к себе. Истощения нет, но я вплотную подобралась к нему. Еще немного и лежать мне сутки пластом, пока организм отходит от последствий идиотизма своей хозяйки, но... куда ушла чакра? Ответа нет, только дикое чувство усталости и одиночества.

Мне плохо, а рядом никого нет. В доме тихо, пусто и жутко. Темнота впервые вызывает ощущение страха, будто за мной следят из-за каждого темного угла. Только вот я давно выросла из того возраста, когда веришь в Бабайку. Я скорее, как в песне Мясникова*, пусть возраста поменьше, но желания были те же, в другой жизни, сейчас я уже не ищу Бабаек, мне хватает заботы брата.

Голова раскалывается. В горле сухо. Локти болят. В затылке будто поселился дятел. Зато на задний план уходит все лишнее, наносное, даже иррациональная обида на то, что Итаци еще не вернулся и я не могу пойти к нему под бочок спать. Ну, или он, привлеченный шумом, прибежал бы ко мне в комнату, чтобы успокоить, но после, обязательно, остался бы рядом до утра, а утром, все страхи бы ушли, прогоняемые солнцем.

Ками, как же по-детски звучит!

Моргаю, с удивлением понимая, что плачу. Хочется выть в голос, выплескивая страхи. Взгляд лиса из сна стоит перед глазами. Только вот в доме тихо, никто не придет, не спрячет, не будет уверять, что все хорошо.

Почему даже имея семью, страхи я должна переживать в одиночестве?

Продолжение следует...

Примечания:

* - имеется ввиду песня "Бабайка" Мясникова из Уральских пельменей

<http://tl.rulate.ru/book/71427/1919759>